

Замечательный русский поэт Владимир Маялин представил для публикации произведение крупной формы – поэму, или, если угодно, цикл стихов, в котором параллельно развиваются два драматических действия. Одно, судя по упомянутым блистательным актёрам и связующей с автором ремарке, отсылающей, скорее всего, к «Жестоким играм» Арбузова, на сцене театра имени Вахтангова. Другое действие – на мятежных, бунтовских улицах. Эти трагические сюжеты – и пушкинский, глубоко личный, человеческий, и революционный, вершимый толпой, как неким подобием социума, они оба глубоко экзистенциальные. Оружие, выстрелы, мятеж – внутренний и внешний – это то, что на поверхности. Три карты – любовь, надежда, загадка – это то, что составляет сущность конфликта. Времена смешиваются и повторяются, начало 20 века, его девяностые, нет разницы, стихийное всегда покушается на эти экзистенциальные человеческие основы – любовь, надежда, загадка, стремится их уничтожить, экспроприировать.

Однако поэт не даёт забыть о себе, и как о глубочайшем проникновенном лирике, в чём легко удостоверится, обратившись к заключительной части публикации.

О. Г.

ТРИ КАРТЫ

«Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла».
А. Пушкин

1.

Из мрака, холода и хлама,
Над разгулявшейся Москвой,
С афиши пиковая дама
Глядела мумией живой.

Дудел матчиш прохожим в ухо,
Желтел фойе уютный свет.
А на афише на старуху
Навёл безумец пистолет.
«Три карты, или вам могила!» –
И целит, нечего сказать!
Графиня ахнула, застыла
И приказала поминать.

2.

А снег дрожал; по подворотням
Шатались стайки голытьбы,
И о спокойствии Господнем
Мечтали каменные львы.
Их трагедийные личины
Пургой припудрились рябой.
Матросы склад громили винный,
Как фрица на передовой.
Блестя трофейными штыками,
Патруль разбойный проходил.
И, перевязанный бинтами,
Безногий плакал и вопил.
А в зал, с утроенным азартом,
Летел со сцены монолог:
«Колдунья старая! Три карты
Открой, открой!.. Мертва, мой Бог!»

3.

В гримёрной, зеркала напротив
Сиди, артистка, много лет.
Пусть Германн на тебя наводит
«Лепаж», извечный пистолет.
В чепец одетая и в гриме,
Ты, умирая каждый раз,
Живёшь в короткой пантомиме
И тайну бережёшь для нас.
И эта малая площадка,
Раздолье склянкам, пузырькам,
Любовь, надежда и загадка –
Три карты, выпавшие нам.

4.

В мерлушках, ватниках, бушлатах,
Отведав терпкого плода,
Хлюсты, карманники, солдаты
Шатают снег туда-сюда.
Матросы в тельниках, не с флота,
Которых бросил пулемёт,
Из гроба вставшая пехота,
Та, что за вьюгою бредёт.
И псов заоблачная свара
Из куц, мертвецких и с полей.
И паровозного ангара –
Всенощный ладан и елей:
Достигнув места назначения,
Из драмы смутной и дрянной
Спешат гробы на представленье
Ослепшей площадью ночной.

5.

Подмостки – чудо, лицедейство,
Мелькнувшей юности пора;
Трагедий буйное злодейство,
Комедий шумная игра.
От Гоцци весел, но застенчив,
От Бомарше – как пух летуч,
От Данте – словно бы увенчан
И от Островского дремуч, –
Во всё вникал мой зритель зоркий,
Шестидесятник молодой,
Короткобрюкий друг галёрки,
Элиты вычурной изгой.
Ульянов там гремел народно,
Обычен нравом и лицом,
Нескладный Яковлев дородно,
Глядел гусарским молодцом.
Легко Борисова блистала
Великолепной худобой,
Реснички страшно раскрывала,
Манерно звук тянула свой.
Там чахла Гоголева в кресле
Старухою в чепце ночном...

Но не обидитесь вы, если
Об этом доскажу потом?..
Там в рамку тусклую, простую
Забот сегодняшнего дня
Вставлял Арбузов зачастую
Картинку, снятую с меня.

6.

Два раза вышедши на вызов,
И утвердив с галёркой связь,
Старомосковская актриса
В пустой гримёрке заперлась.
В чепце сценическом и гриме,
В воздушных рюшах старины,
В морщинах старческих – бог с ними! –
И как без них? Они нужны.
Хотя бы вечером, для роли,
А дома всё равно – одной.
А утром – в театр: «чего же боле?»,
Что нужно старой да больной?..
Актриса в зеркало глядела,
Рукой сухой стирая грим,
Где немец кукле онемелой
Грозился выстрелом своим.

7.

«Толпа вошла, толпа вломилась...» –
Не скажешь Тютчева точней.
Дверь распахнулась – не раскрылась.
А на пороге, перед ней...
В гримёрку чередой заходит
Бойцов проверенный отряд –
Пьеро, печальный по природе,
Псалмы читающий прелат,
Король шекспировский, обманут
Коварно дочками – и тут
Незаживающие раны
Его к отмщению зовут.
И достаёт он штык гранёный,
Но щёлкнув маузером вдруг,
В графиню целит неуклонно
Угарный шут его и друг...

Вчистую отрицать неверно
 Значенье сплетен городских.
 Пропали вдруг из костюмерной
 Одежды пастырей святых, –
 Корона, мантия и бармы,
 Колпак с бубенчиком двойной,
 Сапог три пары и непарный
 Башмак, и капор кружевной.
 Твердят что ночью по Ордынке,
 А может статья, вдоль Тверской
 Идёт король в одном ботинке,
 А с ним – отряд сторожевой.

* * *

Причуды скульпторов и портретистов:
 Одних – писать отъявленных артистов,
 Других – ваять циклопов и громил.
 Но не объём поэтам нашим мил.
 Пускай не велико изображение,
 Но если в нём дыханье и движенье,
 В чертах – душа, застывшая на миг,
 Тогда – натуры целостней двойник.

Один такой портрет передо мною,
 Малоизвестной писанный рукою
 Линёва, живописца; и на нём
 Закатным бледным обведён лучом
 Поэта облик: чуть зеленоватый
 Стекланный взгляд с какою-то утратой
 Внутри себя, устало пухлый рот
 И бакенбард редееющий обвод...

Как тот волчок замучен и затравлен
 Ребятами – не так ли клеветой
 Он здесь разбит – и заживо ославлен,
 Но примирён с палитрой золотой?..

Любимца муз Кипренский романтичный
 Создал на живописном полотне.

Но этот образ так приятен мне
Поэзией, для музыки непривычной.

* * *

Среди картин в знакомой галерее
Холсты голландцев мне всего милее.
Размером малым, детской простотой,
Простонародной фона темнотой,
Наивностью, с какой крестьянин тёмный
Выводит в свет мотив на лютне скромной,
С какой курильщик смотрит в потолок,
Пуская дыма сизонький кружок;
С какой схватились буйные крестьяне...
А вот в беретах вольные дворяне
С вином в бокале, с девицей хмельной
В чепце или накидке кружевной.
На них, как сыч, остро взирает сваха
Из темноты, как бы во власти страха:
Как угольки – чуть не шипят – глаза.
А вот Она –серёжка как слеза –
Играет каплей жемчуг розоватый:
Белёсая, безбровая краса –
Очарованье юности крылатой...
Вермеер Делфтский, Тенирс, Халс, Ван Эйк –
Ван Рейн с Сусанной мертвенной своей,
Со стариками милыми своими,
И с Саскией, чьё зашумело имя,
Как скрипка с флейтой в комнате веков –
Или вино Фламандских погребков.

* * *

Словно с греческой иконы,
Будто даль ему видна,
Смотрит грустно удручённый
Император с полотна.

Густо мантия волнится,
Лента синяя блестит.
Европейская столица
За спиной монарха спит.

Стихли казни и победы;
Русло скованно Невы.
В париках прожжённых шведы
Не поднимут головы.

И стрельцы в прохладу гроба
С душной плахи не сойдут.
И царевича холопы
Под топор не поведут...

.....
«Сын, Алёша, дай утешу,
Дай в дорогу обниму!..»
И встаёт отряд, потешен,
Царь даёт приказ ему.

И бегут солдаты в драку
Взять редут с налёта сей...
Грустен Пётр Каравакка,
Словно древний иудей.

МАРФА-ВДОВА

Жила в Новгороде Марфа.
Муж её погиб в сраженье
С ненавистною Литвою.
Был посадник он исправный,
На войне был витязь храбрый.

К речке Марфа выходила,
На мосту стояла долго,
Долго в полюшко глядела.
Вот, супруг любимый скачет:
Приближается – и в пене
Конь храпит и пыль метётся...
Держит голову курчаву
Всадник на железной длани,
А другой рукой – поводья.

Закричала Марфа в поле,
Серым лебедем взлетела.

И кружит над полем долго,
И кричит не птичьим криком,
И рыдает вдовьим плачем...

А как к Новгороду войско
Подступило Иоанна,
Обратилась снова в Марфу,
И на площади широкой
Собрала она дружину
Из посадских, из торговых,
Да из чёрного народа.
Да ещё Великой Ганзы
Немцев любекских в пять сотен.
А всего-то было войска
Тысяч пятьдесят, не меньше.

Марфа к речке выходила,
На мосту стояла долго,
Долго в полюшко глядела:
Вот и зять по полю скачет.
Конь храпит и пыль метётся...
Держит голову курчаву
Всадник на железной длани,
А другой рукой – поводья.

Закричала Марфа в поле,
Серым лебедем взлетела.
И кружит над полем долго,
И кричит не птичьим криком,
Плачет плачем материнским...

А во граде плаху строят,
Там, где вече собиралось,
И ведут на плаху Марфу:
Обратилась она снова
Марфой – чёрною вдовою.

Говорит она народу:
В небе птицей я летала,
А спустилась я на землю
Умереть женой утешной,
Нежной матерью счастливой,
Новгородкою свободной.